

А.Г. Щелкин,
presss@mail.ru

НИКОЛАЙ ТИМАШЕВ — ЭНИГМА РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ. Инновационный потенциал книги Н. Тимашева «Великое отступление»*

Аннотация: Статья посвящена малоизвестной работе русского социолога Н.С. Тимашева (1889–1970), жившего с 1921 г. на Западе – «Великое отступление» (1946). Обсуждается идея Тимашева, состоящая в том, что Сталин с 1934 года начал «великое отступление» от... коммунизма. Тема Сталина как могильщика коммунизма не исследована отечественными социологами и просто неизвестна российской общественности.

Ключевые слова: социология Н.С. Тимашева; книга Н. Тимашева «Великое отступление»; социологическая оценка СССР 1930-х; новое прочтение советской истории; Сталин; сталинский отказ от коммунизма; «естественное» и «неестественное» в развитии социума; принцип «не благодаря, а вопреки».

XX столетие в России было драматичным не только по своей фактуре. Не менее интригующим было и то, *как* прошедший век отразился в нашем сознании. Дело в том, что на советскую историю мы продолжаем смотреть глазами её творцов. Даже противники коммунизма легко попадают в ловушку сталинской историографии. Они, как правило, не ставят под сомнение, что коммунистический эксперимент длился достаточно долго и закончился фактически в 1991 году¹.

Но в таком случае возникает коварный вопрос: если с либерально-демократической точки зрения коммунизм — это аномальное явление,

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 07-03-00475а.

¹ *Бжезинский* Зб. Большой провал. Агония Коммунизма // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990; *Пайнс* Р. Русская революция. М., 1994.

то почему оно так долго просуществовало и даже достигало в отдельные периоды выдающихся результатов (победа над фашистской Германией, космос, наука и т. д.). Ведь патология несовместима с долголетием.

На этот вопрос есть только один ответ, который практически малоизвестен в «либеральных кругах». Если аномальное нежизнеспособно, то может быть, это был не коммунизм, а нечто «другое» под вывеской «коммунизм»?

Именно этот «кантовский переворот» в отечественном взгляде на новейшую российскую историю и совершил русский социолог и социальный мыслитель Николай Тимашев (1886–1970). Он показал, что Сталин строил не коммунизм, потому что его построить невозможно по определению. Напротив, он фактически боролся с ним. Оказываясь, не успел Генсек приступить к развернутому строительству своего доктринального детища, как тут же началось «Великое отступление» от коммунизма². Только этим можно объяснить тот факт, что страна выжила и на отдельных направлениях даже достигла заметных успехов.

«Сталин — могильщик коммунизма»?! Это даже профессиональных обществоведов ставит в тупик. Отсюда понятно, почему есть все основания говорить о загадочности, с которой сталкиваются сегодня исследователи социологического творчества Н. Тимашева.

То, что сделал Н. Тимашев в своей книге «Великое отступление», производит ошеломляющее впечатление. Оно и в самом деле по большей части не укладывается в привычное восприятие. Обычная схема гласит: сталинский период — это сплошное навязывание России (советской России) неестественного, искусственного коммунистического режима. Но на самом деле с 1934 года в стране началось не просто отступление, но Великое отступление от коммунизма.

Всё зависит, как всегда, от восприятия, а точнее, от пронизательности и восприятия фактов. Сам коммунистический режим, естественно, не «манifestировал» этого отступления. Более того, громкогласно рапортовал о «триумфальном шествии коммунизма», об одной за другой победах «советского народа». Нужна была своеобразная методология Николая Тимашева, чтобы разглядеть то, что не было обнаружено современниками — скажу еще раз: в советской России в самый разгар II-ой пятилетки началось Великое (!) отступление от коммунизма.

Неспособность сегодняшнего «либерально-интеллигентского» (а возможно, «либерально-академического») сознания разглядеть подоб-

² *Timasheff N. The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946.*

ный сценарий развития советского коммунизма, конечно, имеет свои причины. В общем-то, привычное дело. «Мертвый хватает живого». Политический фетишизм (или что-то в этом роде) мешает социологической преданности фактам. Мышление остается в плену «текста» новейшей российской истории, написанной... самой этой коммунистической властью. Да, эту «историю» заклеили, разоблачили и т. д., но всё это сделали, оставаясь в границах всё этой же «истории» (даже периодизация по «пятилеткам» и «съездам» остается как онтология). Но почему-то не обратили внимание на банальный факт — «неестественное» умирает не от того, что его клеймят и разоблачают современники, как правило, находящиеся на безопасном расстоянии за рубежом, а уж тем более потомки, пребывающее и вовсе в абсолютной безопасности. Неестественное умирает, потому что оно неживуче еще при жизни. Коммунистический режим начал сдавать позиции практически на старте — после 1929 года, года «великого перелома», после авантюры 1930–1933 годов. «Великое отступление» от коммунизма началось в 1934 году.

За безумие темпов и программы первых лет первой пятилетки последовала расплата. Воздвигнутые заводы-гиганты не удавалось по-настоящему ввести в строй. Новые прокатные станы простаивали до 40–45% времени. Упала угледобыча: половина новых пневматических отбойных молотков бездействовала. Ситуация на транспорте стала откровенно катастрофической: средняя скорость передвижения грузов снизилась до 4,5 км/час. В 1931 году в ряде регионов начался голод. В 1932–33 гг. поднялась новая и еще более лютая волна голода. Умерло от 4 до 5 млн. человек³. Власть буквально начинала звереть. Указ от 7 августа 1932 г. об охране государственной собственности (указ известный в народе как «закон о пяти колосках») стал мрачным символом политического авантюризма: даже за малый проступок — «вышка», в лучшем случае — «червонец» (десять лет заключения). Всё это походило на агонию. В стране была введена карточная система и паспортный режим. В рядах партии прошла массовая чистка. Фактически Россия стояла на пороге самоистребления. Чтобы эта мрачная «перспектива» не стала реальностью, власть с 1933 г. судорожно и рывками начинает менять курс. В новейших учебниках по истории России эти отчаянные попытки будут даже названы «неонэпом»⁴. Приоткрываются шлюзы для свободной торговли хлебом. В промышленности срочно введена новая

³ Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994; *Боффа Дж.* История Советского Союза. М., 1994.

⁴ *Боффа Дж.* История Советского Союза.

оплата труда — сдельная. Политике «больших скачков» был положен конец. «Левацкая» практика прямого продуктообмена окончательно выходит из употребления. Как результат: 1934–1936 годы можно считать, по мнению специалистов-историков, «тремя хорошими годами». Если указ 1932 года «о пяти колосках» был изуверским символом репрессивного коммунизма, то Указ 1935 года об отмене карточной системы стал знаком отступления от этого коммунизма.

Лев Троцкий с яростью доктринёра издевался над этим отступлением, называя его «беспорядочным бегством»⁵. В дальнейшем мало кто обратил внимание на этот факт. И только Николай Тимашев стал с этого времени прозорливо и одновременно с надеждой собирать всё растущие симптомы отхождения страны от коммунизма. К 1946 году, к моменту выхода в свет книги «Великое отступление», ему было, что с чем сравнить. Если коммунизм времен первых лет первой пятилетки обратил советскую Россию, по убийственному замечанию одного историка, в «общество зыбучих песков»⁶, то «Великое отступление» способствовало росту СССР до размеров и состояния «сверхдержавы».

Отступление действительно оказалось «великим» и по ряду позиций беспрецедентным. Были поколеблены многие основы и принципы коммунизма. Страна начала возвращаться к проверенным историей и жизнью «институтам» и «мотивам».

С середины 30-х в СССР власть заговорила вновь о «национальных интересах». С этой целью акцент переносится с интернационализма и перспективы «мировой революции» на заботу о национально-исторических традициях в России. К этому времени власть уже не бредит пожаром «мировой революции, тем более «странной и чудовищной» идеей самопожертвования отсталой Россией в этой борьбе за коммунизм в мировом масштабе. С этого момента Коминтерн начинает влечь сначала формальное, а потом и просто жалкое существование. Выйдя из Второй мировой войны одним из главных победителей, СССР сам возглавил противостояние с Западом. К этому времени коммунистическая власть отказывается от большинства доктринальных, «левых» идей. Кремль поворачивается лицом к религии, к семейным устоям, к классическому наследию в русском искусстве и науке. Идея «отмирания государства» сдана в архив. Государство выступает инициатором на всех главных направлениях — в экономике, в обороне, образовании, науке, культуре — духовной и физической. Режим мобилизован сам и

⁵ Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991.

⁶ Боффа Дж. История Советского Союза.

мобилизует страну настолько, что может позволить себе непозволительное: заигрывать в демократию, т. е. принять самую передовую, по европейским понятиям, Конституцию — впрочем, конституцию объявленную, как говорят юристы, но не действующую.

В самый разгар Великой Отечественной войны в статье «Сила и слабость России» Н.С. Тимашев признаёт, что сталинское «Великое отступление» от коммунизма стало источником силы России в борьбе против Гитлера. Н.С. Тимашев буквально говорит по этому поводу: «Известно, что пропаганда, в особенности монополярная, свободная от всякой конкуренции, может достигнуть многого. Но всё же, когда она направлена против естественных стремлений человека и против исторической линии развития, пределы её успеха ограничены: так и не создала “нового социалистического человека” упорная пропаганда первых семнадцати лет режима. Иное дело, когда пропаганда направляется в ту же сторону, как естественные стремления и историческая традиция: тогда успехи могут быть колоссальны. Это и произошло в России за последние семь лет. Под влиянием уступок в пользу исторической традиции и сопровождавшей их пропаганды, Россия вновь нашла себя. У русского человека есть опять за что сражаться: и народная гордость, и, хотя бы очень ограниченное, но всё же реальное экономическое благополучие и, главное, надежда на лучшее будущее. Можно с уверенностью утверждать, что в 1933 г. Россия не воевала бы так, как она воюет в 1941–42 гг.: тогда, в начале тридцатых годов, вести, приходившие из России, говорили о широко распространённом поражённости. Но, начиная с 1934 г., время работало в пользу России»⁷.

Русский социолог Николай Тимашев не пошёл так «далеко» как «сменовеховская» эмиграция (Н. Устрялов, Ю. Ключников, С. Чахотин и другие, которые ещё в начале 1920-х гг. призывали признать советскую власть, будучи уверенными, что она перерождается). Он, скорее, разделял позицию другого знаменитого соотечественника, оказавшегося в эмиграции — Павла Милюкова⁸. В «позитивной» оценке Сталина они были фактически едины: в 1930-е годы Сталин фактически проделал грязную работу истории, уничтожая большевиков и дух Брест-Литовска в партии.

В последние годы Н. Тимашев продолжал отдавать отчёт в неприемлемости идеи внешней интервенции как способа освобождения

⁷ Тимашев Н. Сила и слабость России // Новый журнал. 1942. № 2.

⁸ Милюков П. Правда о большевизме // Публицистика русского зарубежья. М., 1999.

от коммунизма в России. Возможно, он, повторю эту мысль ещё раз, был пронзительнее и бережливее в отношении российского материала. Не исключено, что Тимашев лучше других понимал, что «антикоммунизмом» заражены высшие круги власти, которые могли бы совершить бескровное возвращение России в свою национальную и мировую историю. Достаточно вспомнить «казус Берии»: похоже, после смерти Сталина именно самый опытный и кровожадный коммунист Лаврентий Берия радикальнее всех намеревался расправиться со сталинским наследием, но «полукоммунисты» из окружения Хрущёва ещё радикальнее расправились с опасным «конкурентом».

Восстановление российской традиции и школы социологического мышления неразрывно связано с искусством осмысления собственного отечественного материала. Именно на этой плодотворной эмпирической почве мы и встречаем такие заметные социологические фигуры, которые в XX веке принципиальную и непримиримую позицию по отношению к коммунизму могли сочетать с трезвым пониманием того, что и в советской России, не меня коммунистической вывески, делалось многое из того, что требовал здравый смысл и безопасность России. Николай Сергеевич Тимашев — один из этой плеяды соотечественников, чья звезда только начинает подниматься из-за горизонта забвения, обогащая арсенал нашего всё ещё скудного социального и исторического воображения... Скудость этого научного воображения, как мне представляется, сама обусловлена социальными и ситуационными причинами, для поисков и понимания которых, по-видимому, лучше всего обратиться к арсеналу «социологии знания». Но это тема, выходящая за рамки данной статьи.

Приведу только один пример того, насколько работа Н. Тимашева не только не оценена российским социологическим сообществом, но, скорее, искажена низведением до *привычного уровня НЕпонимания* сути дела. В статье доктора социологических наук О. Гнатюк «Н.С. Тимашев как социолог»⁹ читаем: «Тимашев рассматривал «коммунистическую революцию в России» как «великое отступление»». Читатель, по-видимому, должен это понимать в привычном русле: коммунисты де принудили Россию отступить от её дореволюционного развития, шедшего в сторону демократии, модернизации, конституционализма и т. д. Но мы-то знаем, что Н.С. Тимашев исследует другой, прямо противоположный сюжет — великое отступление от коммунизма. Еще «умнее»

⁹ Гнатюк О. Н.С. Тимашев как социолог // Социология и социальная антропология. 2001. № 6.

поступил другой автор — кандидат исторических наук Ю. Дайков¹⁰. В статье с обязывающим названием «Николай Тимашев и Россия» даже не упомянута самая знаменитая книга нашего соотечественника о России, книга, которая, по словам самого Н. Тимашева, была его «первым и настоящим успехом на научном поприще». Напомню, что работа «Великое отступление» вышла в 1946 году, когда автору шел уже 61-й год жизни.

Вывод напрашивается сам собой. Загадка социологического творчества Н.С. Тимашева, парадигмы его социологического подхода практически ещё не расшифрованы и уж тем более не взяты на вооружение отечественными социологами как понятийный и стратегический инструмент. С этим тем более трудно мириться, поскольку именно этот метод научного подхода к социальной динамике России, демонстрируемый русским социологом, продолжает оставаться со всей очевидностью актуальным и по своей природе инновационным.

В порядке предварительного обобщения можно выделить следующие принципы социологического мышления Н.С. Тимашева.

1) Предельное внимание к фактам — особенно к тем, которые не манифестируются властью и даже общественным мнением и не собраны в идеологические клише. Принципиальное отсутствие готовых объяснительных схем и удобных метафор (один американский исследователь назвал социологию Тимашева «безобразной»¹¹).

2) Принцип вычленения «естественного» в противоположность «неестественному», «абортивному». Другими словами опора на принцип — «выживание не благодаря, а вопреки». Советская Россия обеспечила свою динамику «не столько благодаря, сколько вопреки» коммунизму. В иной редакции — благодаря «великому отступлению» от коммунизма в сторону «естественного» порядка вещей — в экономике, политике, культуре. (Нечто похожее находим у экономиста А. Найшуля, который в советское время исследовал такую несущую конструкцию, как «чёрный рынок», а сегодня работает с понятием «национальная экономика»¹². Частично можно сослаться и на такого автора, как А. Горянин¹³. Но наиболее продуктивно и классично принцип «не благодаря, а вопреки», как сейчас выясняется, развивал

¹⁰ Дайков Ю. Николай Тимашев и Россия // Социология и социальная антропология. 1996. № 7.

¹¹ Шойер Дж. Социология Н.С. Тимашева // На темы русские и общие. Сборник статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Нью-Йорк, 1965.

¹² Найшуль В. Революция и справедливость. М., 2005.

¹³ Горянин А. Мнимая бедность России // Русская Европа. 2004. Ноябрь.

параллельно с Н. Тимашевым другой неоцененный нами современник и соотечественник — Мих. Лифшиц (1905–1982)¹⁴.

3) Среди симптомов социального здоровья нации Н. Тимашев выделяет состояние, прежде всего, таких институций, как «право» и «религия». По этим признакам, например, Н. Тимашев идентифицирует Россию «и ныне, и днесь» как цивилизацию однозначно европейскую и определяет Россию как страну, относящуюся если не к лидерам европейского процесса, то, по крайней мере, на данном этапе — к европейской периферии, какой, например, в свое время была Португалия.

Хочется думать, что парадигмы и эвристические принципы тимашевской мысли выражают не в последнюю очередь природу именно российской культуры социологического видения мира. Сейчас, когда российская элита небрежно запуталась в судьбоносных доминантах страны, тимашевский опыт наблюдения и рефлексии по поводу России — войди он в политический оборот — сократил бы муки вынашивания нашего нормального, а не умозрительного будущего.

¹⁴ Лифшиц М. Что такое классика? М., 2004.